

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 152–162.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 152–162.

Научная статья

УДК 10.01.01

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-11>

Еще раз об организации усадебного сюжета у И. С. Тургенева (на примере повестей 1850-х годов)

Екатерина Андреевна Ерохина

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

katty_basova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности организации усадебного сюжета в повестях И. С. Тургенева 1850-х годов («Дневник лишнего человека», «Три встречи», «Два приятеля», «Затишье», «Переписка», «Фауст»). Указанные тексты писателя можно отнести к такому жанру, как «усадебная повесть», именно в них усадебный сюжет проявляется в наибольшей степени. В рамках статьи поместье рассмотрено как локус, место действия; проанализированы основные элементы структуры метатекста усадьбы, установлена их взаимосвязь с сюжетом; описаны особенности композиции усадебной повести и выделены центральные мотивы, способствующие развитию сюжета.

Ключевые слова: усадебный сюжет, функция, элемент, усадебный метатекст, усадебная повесть

Для цитирования: Ерохина Е. А. Еще раз об организации усадебного сюжета у И. С. Тургенева (на примере повестей 1850-х годов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 152–162. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-11>.

Once again about the organization of I. S. Turgenev's estate plot (by the stories of the 1850s)

Ekaterina A. Erokhina

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

katty_basova@mail.ru

Abstract. The article describes the features of organizing the estate plot in the stories by I. S. Turgenev in the 1850s (“Diary of a Superfluous Man”, “Three Meetings”, “Two Friends”, “Calm”, “Correspondence”, “Faust”). These texts of the writer can be attributed to such a genre as “estate story”; it is in them that the estate plot most manifests itself. Within the framework of the article, the estate is considered as a locus, a scene of action; the author of the article analyzes the main elements of the estate metatext structure, reveals their relationship with the plot, describes composition characteristics of the estate story and highlights the central motifs that move the plot forward.

Keywords: estate plot, function, element, estate metatext, estate story

For citation: Erokhina E. A. Once again about the organization of I. S. Turgenev's estate plot (by the stories of the 1850s). *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 152–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-11>.

Введение

Исследование образа русской усадьбы уже более двух десятилетий занимает важное место в современной культурологии и литературоведении. Ученые приходят к выводу, что усадьба как локус, место действия определяет композицию, сюжет и даже жанр художественного произведения. В русской литературе усадебный сюжет в «чистом виде» представлен в усадебной повести (термин В. Г. Щукина) и усадебном романе (термин В. А. Доманского). Следует отметить, что в последние годы появились работы, в которых полемически осмысливается идея рассмотрения усадебного топоса в качестве жанроопределяющего признака тургеневского романа¹. Однако относительно структуры усадебных повестей писателя мнения исследователей в большинстве своем совпадают.

Метатекст усадьбы и отдельные элементы усадебного сюжета складываются еще на рубеже XVIII–XIX веков. О. Б. Кафанова² и Р. Г. Назиров³ обнаруживают истоки усадебного текста в повести Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия» (1789), в послании Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807), во многих произведениях А. С. Пушкина («Евгений Онегин», «Дубровский» и др.). Р. Г. Назиров пишет, что «...у Карамзина зародился сюжет, у Державина – его специфически русский locus»⁴. Таким образом, до И. С. Тургенева усадебный сюжет существовал лишь фрагментарно, писатель же закрепил его в жанрах драмы, рассказа, повести, романа, создав таким образом завершенный текст. Впервые такую структуру писатель использует в рассказе «Бретер» (1847), который представляет собой «очень близкую в деталях парافразу усадебного сюжета»⁵. Отмеченный аспект рассказа подробно изучен в работах разных исследователей⁶.

¹ См. об этом: Ребель Г. М. Усадебный топос и жанровая специфика тургеневского романа // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 6. С. 1055–1060.

² Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 112–130.

³ Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13–113. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ См. об этом: Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2010. Т. 1: Сад и город как текст. 362 с.; Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13–113. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

Основная часть

В рамках данной статьи мы рассмотрим шесть повестей Тургенева 1850-х годов, действие которых происходит в усадьбе: «Дневник лишнего человека» (1850), «Три встречи» (1852), «Два приятеля» (1854), «Затишье» (1854), «Переписка» (1856), «Фауст» (1856). Эти тексты писателя можно отнести к такому жанру, как «усадебная повесть». Кроме того, именно в них усадебный сюжет проявляется в наибольшей степени. В то же время следует отметить, что указанным произведениям на сегодняшний день уделено недостаточно внимания: они упоминаются во многих научных работах, однако глубокому анализу не подвергаются; как правило, интерес исследователей вызывают романы писателя. Мы предприняли попытку выделить наиболее существенные принципы построения усадебного сюжета в повестях Тургенева и на их основе сравнить анализируемые тексты.

Действие усадебных повестей происходит в поместье. Во всех вышеупомянутых текстах автор соблюдает данный принцип, что в большей степени обуславливает причисление их к такому феномену, как усадебный текст. В повести «Дневник лишнего человека» главный герой Чулкатурин ведет свой дневник из родового сельца Овечьи Воды: здесь он проводит последние дни своей жизни; действие первой главы повести «Три встречи» происходит в селе Глинном; главный герой произведения «Два приятеля» Вязовнин «по домашним обстоятельствам» приезжает в свое родовое поместье, расположенное где-то в средней полосе России; события «Затишья» происходят в деревнях *** го уезда Т*** губернии (Сасово, Ипатьевке, Акилино); историю юношеской любви в деревне вспоминают герои повести «Переписка»; из сельца М**** ое пишет письма своему другу Павел Александрович Б. в «Фаусте».

Не всегда действие в этих повестях начинается и завершается в усадьбе. Бывает, что усадебный сюжет занимает только часть текста («Три встречи») или представлен как вставной фрагмент («Дневник лишнего человека», «Переписка»).

Как отмечает О. Б. Кафанова, метатекст усадьбы имеет свою структуру¹. К ее элементам традиционно относят дом, сад, ландшафты, сельскохозяйственные постройки, интерьеры и др. Дом воспринимался как своеобразный центр усадьбы. В повестях Тургенева 1850-х годов преобладают описания небольших, часто обветшалых усадебных «домиков», что во многом определяет жизнь, быт этих поместий. Вязовнин по приезде в деревню находит свое имение «расстроеным, усадьбу запущенной, дом чуть не в развалинах»² («Два приятеля»). У его соседа, Крупицына, дела обстояли еще хуже: «домик» его, «небольшой и ветхий, скорее походил на простую дворовую лачужку, чем на жилище помещика»³. Еще один дом – в усадьбе Тихоуевых – описан в повести следующим образом: «Это было неуклюжее строение, просторное и пространное, какая-то масса темного тесу, с темными стеклами в ок-

¹ Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 114.

² Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 321.

³ Там же. С. 325.

нах»¹. В начале произведения «Затишье» изображен господский флигель в имении главного героя: «Судя по заметной кривизне потолка и покатоности щелистого пола, флигелек, в который мы ввели читателя, существовал давным-давно»². Самого дома мы так и не увидим. Павел Александрович Б., герой повести «Фауст», так говорит о своем жилище: «Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покривился, врос в землю»³, и отмечает, что постарел не только он сам. В «Трех встречах» описывается еще более печальная картина: заброшенное поместье в селе Глинном, главный дом которого предстает перед читателем «низеньким и неказистым», с «наглухо заколоченными окнами», «слепым стариком, вышедшим погреться на солнце»⁴.

Вместе с тем усадьба была замкнутым миром, «островком феодальной самодостаточности»⁵. При благоприятных обстоятельствах этот мир мог показаться для некоторых раем. По мнению Р. Г. Назирова, «рай есть закрытая и самодовлеющая среда обитания (в библейской традиции – сад), где вследствие естественной повторяемости нет никаких событий, а потому течение времени не фиксируется, время «стоит», и жители рая не стареют. <...> оно, это событие <...> включает ход времени, вот оно сдвинулось с мертвой точки – и жизнь оборвалась»⁶.

Важнейшим элементом этого рая, своеобразным продолжением дома являлся сад (парк). Описание сада в произведениях писателя глубоко лирично; он, подобно музыке и живописи, наполнен звуками и красками. Герои Тургенева невольно проникаются этой атмосферой, ощущают ее чутко и тонко. Так, рассказчик повести «Три встречи» пытается описать свои чувства и эмоции от окружающей его природы перед встречей с прекрасной незнакомкой: «Сердце во мне томилось неизъяснимым чувством, похожим не то на ожидание, не то на воспоминание счастья; я не смел шевельнуться...»⁷. Томительное предвкушение чего-то необыкновенного и само это событие (неожиданная встреча) происходят именно в саду.

В анализируемых повестях Тургенева постоянно обнаруживается взаимодействие элементов усадебного сюжета и метатекста усадьбы. Неслучайно, являясь «пространством любви»⁸, сад становится «свидетелем» встреч и бесед влюбленных геро-

¹ Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 338.

² Тургенев И. С. Затишье // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 380.

³ Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 90.

⁴ Тургенев И. С. Три встречи // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 217.

⁵ Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 219.

⁸ См. об этом: Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2003. 528 с.

ев. Такое свидание (Марьи Павловны и Веретьева) мы видим в четвертой главе повести «Затишье». Развитие любовного чувства у Тургенева в принципе невозможно в замкнутом пространстве. Так описывает зарождение влюбленности герой повести «Переписка»: «Помните ли вы наши безмолвные вечерние прогулки вчетвером вдоль ограды вашего сада, после какого-нибудь долгого, теплого, живого разговора? Помните ли вы те благодатные мгновения? Природа ласково и величаво принимала нас в свое лоно. Мы входили, замирая, в какие-то блаженные волны. Кругом вечерняя заря разгоралась внезапным и нежным багрянцем; от заалевшегося неба, от просветленной земли, отовсюду, казалось, веяло огнистым и свежим дыханьем молодости, радостным торжеством какого-то бессмертного счастья; заря пылала; подобно ей, тихо и страстно пылали восторженные наши сердца, и мелкие листья молодых деревьев чутко и смутно дрожали над нами, как будто отвечая внутреннему трепету неясных чувств и ожиданий в нас»¹. Трудно представить подобное описание чувств героев в другом, замкнутом пространстве.

Отметим, что в ранний период творчества сад в произведениях Тургенева не являлся «двигателем» сюжета, его функции больше сводились к обозначению места романтического свидания (например, в повести «Андрей Колосов»). В повестях же 1850-х годов образ сада уже приобретает структуро- и сюжетообразующую функции, являясь важнейшей и неотъемлемой частью усадебной повести и занимая в ней конкретное, четко определенное место. Как замечает В. А. Доманский, «художественный концепт сада отражает эволюцию авторской картины мира, приобретая с годами новые дополнительные значения»². В то же время сады в повестях призваны развивать в большей степени именно любовную линию, отчасти затрагивая философские проблемы и вопросы бытия (жизни и смерти, одиночества, скоротечности человеческого существования и др.). Позднее, в романах, идеологические и философско-онтологические темы раскрыты Тургеневым значительно глубже, что находит отражение в расширении функционала сада в тексте: он будет наделен возможностью «порождать философско-идеологический бунт героев, связанный с ничтожеством человека перед бессмертной, но “равнодушной природой”»³.

Обратимся непосредственно к элементам композиции усадебной повести. В большинстве произведений действие начинается с экспозиции, в которой традиционно описывается место действия. Обыкновенно события начинаются весной или ранним летом, когда природа, а вместе с ней и человек пробуждаются. Чулкатурин приступает к ведению своего дневника 20 марта («Дневник лишнего человека»); теплыми летними днями и ночами происходит действие в повести «Три встречи»; весной 184... года Вязовнин приезжает в свое родовое поместье («Два приятеля»); события в «Затишье» начинаются ранним летом; герои одноименной повести всту-

¹ Тургенев И. С. Переписка // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 27–28.

² Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Санкт-Петербург: СПбГУТД, 2010. Т. 1: Сад и город как текст. С. 130.

³ Там же. С. 138.

пают в переписку 7 марта, летом возникает их юношеское чувство влюбленности; первое письмо Павла Александровича датировано 6 июня («Фауст»).

Как пишет О. Б. Кафанова, «интрига начинается с приезда героя, который нарушает ритм пульсации времени в замкнутом пространстве усадьбы и расширяет, открывает его с помощью включения в него сада, парка»¹. Р. Г. Назиров полагает, что именно этот момент становится отправной точкой для развития усадебного сюжета: «В сонном раю появляется Пришелец Извне. Только он способен нарушить цикличность растительной жизни: с ним является тревога, является любовь – наконец, сюжет»². Тургеневские герои приезжают в усадьбу, где знакомятся с девушкой, героиней любовной истории; часто это жительница соседнего поместья («Два приятеля», «Затишье», «Переписка», «Фауст»), иногда приезжая из другого города или даже из-за границы. Так, в «Трех встречах» рассказчик, к своему изумлению, встречает «в степи, в одной из самых глухих сторон России» прекрасную итальянку, которой был очарован два года назад в Сорренто.

Следующим элементом композиции является развитие действия – описание встреч, свиданий героя и героини. Процесс сближения происходит в пределах сада, парка, во время прогулок, бесед, «в моменты созерцания и восприятия окружающей природы»³. Данное явление характерно для всех анализируемых нами повестей, в том числе для тех произведений, где действие развивается не в деревне, а в городе. Например, в «Дневнике лишнего человека» Чулкатурин описывает историю любви, которая случилась с ним в уездном городе О***. Однако в момент зарождения чувства автор переносит нас в «рощицу», в «публичный сад». Объяснение же Лизы и Бизьменкова происходит за домом Ожоговых, в «довольно большом саду, оканчивавшемся липовой рощицей, заброшенной и заросшей. Посредине этой рощи возвышалась старинная беседка в китайском вкусе»⁴.

Мотив любви оказывается одним из центральных в усадебном сюжете, однако имели место различные варианты развития событий. Далеко не всегда приезжий герой обретал любовь сельской девушки. В эпилоге «Двух приятелей» после смерти Вязовнина автор «устраивает» счастье Верочки с Крупицыным; в «Дневнике лишнего человека» Чулкатурин так и не достаивается внимания Лизы; в «Затишье» влюбленным героем оказывается Веретьев, а не Астахов; в «Трех встречах» и «Фаусте»

¹ Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 116.

² Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 14. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

³ Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 116.

⁴ Тургенев И. С. Дневник лишнего человека // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 211.

любовному чувству тоже не суждено перерасти в осознанные отношения двух взрослых людей.

За развивающейся историей любви, как правило, следует скорая трагичная развязка: «Мятежный герой стремится нарушить этот мир, но в своем конфликте с окружающим терпит крах»¹. Часто развязке предшествует какой-либо знак, предвестник несчастья. Например, в повестях «Затишье» и «Фауст» таким предзнаменованием является гроза. События обычно завершаются осенью или зимой, когда природа и сад увядают: поздней осенью решается на самоубийство Марья Павловна («Затишье»), в сентябре умирает Верочка («Фауст»). Иногда повести заканчиваются эпилогами, действие в которых происходит через несколько лет после событий основной части. Так, через восемь лет встречаются Астахов и Веретьев («Затишье»). Очевидно, хронологическая дистанция необходима для того, чтобы герои смогли взглянуть на события прошлого через призму прожитых лет и накопленного опыта. В повести «Два приятеля» писатель идет еще дальше и старается постичь некоторые законы бытия: «Прошел год. От корней срубленного дерева идут новые отпрыски, самая глубокая рана зарастает, жизнь так же сменяет смерть, как и сама сменяется ею, – и сердце Верочки отдохнуло понемногу и зажило. Притом же ни Вязовнин не принадлежал к числу людей незаменимых (да и есть ли такие люди?), ни Верочка не была способна посвятить себя навек одному чувству (да и есть ли такие чувства?)»². В то же время писатель отмечает независимость течения времени, сменяемости природных циклов, приходя к выводу, что тайны бытия, скрытые в законах природы, оказываются неподвластны человеку.

В усадебных сюжетах повестей Тургенева большое значение имеют *произведения искусства* – чаще всего словесного или музыкального. Так, в «Затишье» и «Фаусте» их роль особенно важна. Они являются своеобразными зеркалами чувств и мыслей героев, поясняют их движение и развитие, «в огромной мере стимулируют их возникновение»³. В повести «Затишье» на влюбленную в Веретьева Марью Павловну неизгладимое впечатление производит «Анчар» А. С. Пушкина: героиня просит Астахова прочесть стихотворение еще раз, а потом и вовсе записать его на бумаге. «Анчара» она «декламирует» ночью в саду и читает Веретьеву в березовом заказнике в момент свидания. В повести «Фауст» одноименную трагедию Гете герои читают ночью в китайском домике в саду. Драма производит на Веру Николаевну глубокое впечатление. Девушка, как и Марья Павловна, просит оставить ей книгу в надежде обратиться к произведению еще раз. Сама героиня так описывает свои чувства: «...я к этому не привыкла. В этой вашей книге есть вещи, от которых я никак отделаться

¹ Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 116.

² Тургенев И. С. Два приятеля // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 379.

³ Недзвецкий В. А., Пустовойт П. Г., Полтавец Е. Ю. И. С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети»: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Москва: Издательство Московского университета, 2000. С. 19.

не могу; мне кажется, это они мне так жгут голову»¹. Павел Александрович потрясен реакцией девушки: «О, друг мой Семен Николаич! если б ты мог видеть, как она была мила в это мгновение: бледная почти до прозрачности, слегка наклоненная, усталая, внутренне расстроенная – и все-таки ясная, как небо!»². Можно предположить, что именно эти моменты душевного потрясения, пробуждения являются точкой невозврата для обеих героинь. Марья Павловна предчувствует неизбежность расставания с Веретьевым и в то же время понимает, что из-за своей любви она находится в положении «бедного раба у ног непобедимого владыки». В Вере Николаевне «Фауст» пробудил ранее не знакомые ей чувства, тем самым открыв ее сердце и душу для новой страсти и влюбленности. Обе героини умирают, не справившись с тяжестью своего душевного состояния. Таким образом, произведения словесности становятся в повестях Тургенева своеобразными «двигателями» сюжета, выступая в роли катализаторов чувств героинь.

Еще одной характерной особенностью поэтики усадебных повестей Тургенева 1850-х годов является наличие пролога («Дневник лишнего человека», «Переписка») или эпилога («Два приятеля», «Затишье»), иногда его вариации – примечания издателя, как в «Дневнике лишнего человека». Это создает впечатление замкнутости и законченности сюжета. Кроме того, часто повествование носит ретроспективный характер: рассказчик говорит о прошлом, об историях, случившихся с ним или его знакомыми задолго до настоящего момента.

Выводы

Таким образом, в своих повестях 1850-х годов Тургенев разрабатывает структуру и содержание усадебного сюжета. Вместе с тем возможностей «среднего» жанра писателю уже недостаточно. По этой причине он обращается к романам, позволившим более глубоко раскрыть тему, «в полном объеме развернуть метатекст усадьбы, презентировать все компоненты усадебного сюжета»³.

Список источников

Грифцов Б. А. Теория романа. Москва: Государственная академия художественных наук, 1927. 151 с.

Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ, 2003. 528 с.

Доманский В. А. Флористический код любовных коллизий прозы И. С. Тургенева // Спасский вестник: материалы Всероссийской Тургеневской конференции к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева (с. Спасское-Лутовиново, 21–25 сентября 2008 г.) / под редакцией Е. Н. Левиной. Тула: Гриф и К, 2009. Вып. 16. С. 52–60.

¹ Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 109.

² Там же. С. 110.

³ Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 119.

Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2010. Т. 1: Сад и город как текст. 362 с.

Кафанова О. Б. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / под редакцией Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. Вып. 1. С. 112–130.

Назиров Р. Г. История усадебного сюжета // Назировский архив. 2017. № 1 (15). С. 13–113. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (дата обращения: 04.02.2022).

Недзвецкий В. А., Пустовойт П. Г., Полтавец Е. Ю. И. С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети»: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Москва: Издательство Московского университета, 2000. 111 с.

Ребель Г. М. Усадебный топос и жанровая специфика тургеневского романа // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 6. С. 1055–1060.

Тургенев И. С. Два друга // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 321–379.

Тургенев И. С. Дневник лишнего человека // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 166–216.

Тургенев И. С. Затишье // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 380–451.

Тургенев И. С. Переписка // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 18–48.

Тургенев И. С. Три встречи // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4: Повести и рассказы, статьи и рецензии, 1844–1854. С. 217–245.

Тургенев И. С. Фауст // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855–1859. С. 90–129.

Щукин В. Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с.

References

Griftsov B. A. *Teoriia romana* [Theory of the novel]. Moscow: Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk, 1927. 151 p.

Dmitrieva E. E., Kuptsova O. N. *Zhizn' usadebnogo mifa: Utrachennyi i obretennyi rai* [Life of the estate myth: lost and found paradise]. Moscow: OGI, 2003. 528 p.

Domanskii V. A. Floristicheskii kod liubovnykh kollizii prozy I. S. Turgeneva [Floristic code of love collisions in prose by I. S. Turgenev]. *Spasskii vestnik: materialy Vserossiiskoi Turgenevskoi konferentsii k 190-letiiu so dnia rozhdeniia I. S. Turgeneva (s. Spasskoe-Lutovinovo, 21–25 sentiabria 2008 g.)* [Spassky Bulletin: Proceedings of the All-Russian Turgenev Conference on the 190th anniversary of the birth of I. S. Turgenev (village of Spasskoye-Lutovinovo, September 21–25, 2008); ed. by E. N. Levina]. Tula: Grif i K, 2009, iss. 16, pp. 52–60.

Domanskii V. A., Kafanova O. B., Sharafadina K. I. *Literatura v sinteze iskusstv: v 3 t.* [Literature in the synthesis of arts: in 3 vols]. St Petersburg: SPGUTD, 2010, vol. 1: Sad i gorod kak tekst [Garden and city as text]. 362 p.

Kafanova O. B. Poeziia i filosofiia sada v tvorchestve I. S. Turgeneva [Poetry and garden philosophy in the work of I. S. Turgenev]. *I. S. Turgenev. Novye issledovaniia i materialy* [I. S. Turgenev. New research and materials; ed. by N. P. Generalova, V. A. Lukina]. Moscow; St

Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2009, iss. 1, pp. 112–130.

Nazirov R. G. Istoriia usadebnogo siuzheta [History of the estate plot]. *Nazirovskii arkhiv* [Nazirovsky archive], 2017, no. 1 (15), pp. 13–113. Available at: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf (accessed: 04.02.2022).

Nedzvetskii V. A., Pustovoit P. G., Poltavets E. Iu. *I. S. Turgenev. "Zapiski okhotnika", "Asia" i drugie povesti 50-kh godov, "Ottsy i deti": V pomoshch' prepodavateliam, starsheklassnikam i abiturientam* ["The Hunter's Sketches", "Asya" and other stories of the 50s, "Fathers and Sons": To help teachers, high school students and applicants]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000. 111 p.

Rebel' G. M. Usadebnyi topos i zhanrovaia spetsifika turgenevskogo romana [Manor topos and genre specificity of Turgenev's novel]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriia i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2020, vol. 30, iss. 6, pp. 1055–1060.

Turgenev I. S. Dva priiatielia [Two friends]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vol.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: *Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854* [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 321–379.

Turgenev I. S. Dnevnik lishnego cheloveka [Diary of a superfluous man]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: *Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854* [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 166–216.

Turgenev I. S. Zatish'e [Calm]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: *Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854* [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 380–451.

Turgenev I. S. Perepiska [Correspondence]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vol.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 5: *Povesti i rasskazy 1853–1857 godov; Rudin. Stat'i i vospominaniia, 1855–1859* [Stories and short stories of 1853–1857; Rudin. Articles and memoirs, 1855–1859], pp. 18–48.

Turgenev I. S. Tri vstrechi [Three meetings]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 4: *Povesti i rasskazy, stat'i i retsenzii, 1844–1854* [Stories and short stories, articles and reviews, 1844–1854], pp. 217–245.

Turgenev I. S. Faust [Faust]. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Turgenev I. S. Complete set of works and letters: in 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 5: *Povesti i rasskazy 1853–1857 godov; Rudin. Stat'i i vospominaniia, 1855–1859* [Stories and short stories of 1853–1857; Rudin. Articles and memoirs, 1855–1859], pp. 90–129.

Shchukin V. G. *Rossiiskii genii prosveshcheniia: Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [Russian genius of the enlightenment. Studies in the field of mythopoetics and history of ideas]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 608 p.

Сведения об авторах

Екатерина Андреевна Ерохина – кандидат филологических наук; katty_basova@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Ekaterina A. Erokhina** – Candidate of Philological Sciences; katty_basova@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 07.04.2022.

The article was submitted 11.03.2022; Approved after reviewing 30.03.2022; Accepted for publication 07.04.2022.